

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 1919
ГОДА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF CRIME
IN THE LEADERSHIP OF CRIMINAL LAW, 1919:
BASIC FEATURES AND SIGNIFICANCE

Грошев А.В.

*профессор кафедры уголовного права,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет»*

Groshev A.V.

*Professor at the Department of criminal Law,
Doctor of Juridical Science, professor
«Federal HPE Kuban State Agricultural University»*

Ключевые слова: преступление, институт преступления, уголовное право, уголовно-правовая доктрина, общественное правосознание.

Аннотация: В статье рассматриваются основные черты трансформации института преступления в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. На основе анализа данного памятника советского уголовного права исследуется изменение принципиальных положений о понятии преступления в уголовной политике пролетарского государства, отмечается значение указанных особенностей трансформации преступления для развития советской уголовно-правовой доктрины.

Keywords: crime, institute of crime, criminal law, criminal doctrine, public sense of justice.

The summary: The article considers the main features of the transformation of the institution of crime in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR 1919. On the basis of the analysis of this monument of Soviet criminal law, the change of the principle provisions on the concept of crime in the criminal policy of the proletarian state is investigated, and the importance of these features of the transformation of crime for the development of Soviet criminal law doctrine is noted.

Учение о преступлении и его отражение в уголовном законодательстве (институт преступления) является краеугольным камнем и фундаментальной категорией уголовно-правовой доктрины и системы уголовного права. Вся история развития отечественного уголовного законодательства, начиная с самых древних правовых установлений, свидетельствует, что компас уголовной политики соответствующего исторического периода развития государства, прежде всего, был направлен на

отыскание в социуме общественно опасных и порицаемых господствующим правосознанием и правом поступков людей, то есть преступлений.

Учение о преступлении в отечественной доктрине развивалось от примитивных представлений о преступлении как «обиде», нанесенной отдельным членам общины, выра-

жающей в причинении потерпевшему физического или имущественного вреда (законодательство Древней Руси X-XIV вв.)¹. В дальнейшем эти представления трансформировались в более осознанное понимание социальной природы преступления как посягательства на общие устои социума, выражающие коллективные интересы той или иной общности людей и, прежде всего, интересы государства (господствующего класса). Соответствующие данному типу правопонимания посягательства стали трактоваться как проявление «злой воли» преступника, что выразилось в закреплении в законодательстве терминологически точных обозначений преступления и личности преступника: «лихое дело» и «заведомо лихой человек» (законодательство периода становления Русского централизованного государства)².

Следующий этап развития института преступления в зеркале правопонимания соответствующей исторической эпохи связан с более полной и в то же время дифференцированной систематизацией отдельных преступлений на родовые группы исходя из общности их типовых свойств и, прежде всего, объекта посягательства. Это послужило основой формирования первой в истории отечественного законодательства системы Особенной части уголовного права (Соборное Уложение 1649 г.). Преступлением стало признаваться, при отсутствии его формального определения, нарушение социального и правового устройства (порядка) общества, неразрывно связанного с интересами государственной власти (преступление как нарушение «воли государя») (законодательство периода сословно-представительной монархии)³.

В более поздние периоды эволюции представлений о сущности преступления в правосознании стали складываться обобщенные его характеристики как причинения вреда

и убытка государству, что в законодательстве было обозначено новой для правопонимания того исторического периода категорией «преступление суть» (Именной указ от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», Воинские артикулы 1715 г.). Так впервые в эволюции российского законодательства обозначилось выделение определенной общности правовых установлений (институтов), послуживших зарождению самостоятельной отрасли права – уголовного права (законодательство периода становления абсолютизма – эпохи Петра I и Екатерины II)⁴.

На рубеже XIX-XX вв. (1845-1903 гг.) учение о преступлении, достигнув апогея научной мысли и технико-юридического совершенства, получило формальное закрепление в кодифицированном законодательстве данного исторического периода в виде института преступления, включающего нормативную дефиницию общего понятия преступления и развернутую систему уголовно-правовых норм, характеризующих различные стороны и свойства преступления, системно связанного с иными институтами уголовного законодательства (наказания, иных мер уголовно-правового характера и др.) (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.)⁵. При этом сама дефиниция преступления лаконично выражала известный принцип древнеримского права (нет преступления без указания о том в законе), положенный в основу классической школы уголовного права (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Уголовное уложение 1903 г.)⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу XX в. правовая регламентация института преступления значительно усложнилась и приобрела черты, во многом свойст-

¹ Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. С. 63-67.

² Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54-62.

³ Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. (Гл. II. Ст. 18-21).

⁴ Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 329- 330; Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 27-31.

⁵ Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 176.

⁶ Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (с приложением предметного алфавитного указателя). СПб., 1903.

венные современному пониманию сущности преступления. Соответственно, в исследовании исторического генезиса института преступления четко обозначились две основные особенности: 1) историческая изменчивость понятия преступления и представлений о нем, сообразная изменению социальных условий жизни общества и общественного правосознания; 2) социальная обусловленность преступления теми социальными условиями, которые существуют (складываются) на определенном этапе исторического развития общества.

Однако плавного эволюционного развития доктрина преступления в отечественном уголовном праве не получила ввиду революционного крушения (слома) государства и права Российской Империи (1917-1922 гг.). В этот исторический период отечественное уголовное право (и его центральный институт преступления) оказалось в сфере нового культурного пространства – революционного правосознания нарождающегося исторического класса (пролетариата), возглавляемого партией большевиков. С этого периода начинается новый отсчет эволюции научной мысли и революционной энергии народных масс в области уголовной политики и уголовного законодательства. После многочисленных локальных экспериментов революционного правосознания, выразившихся в «точечной» криминализации различных контрреволюционных проявлений и частно-буржуазных эксцессов свергнутого класса, в том числе общеуголовного характера¹, представители новой уголовно-правовой доктрины осознали необходимость в обобщении накопленного, во многом бессистемного, опыта криминализации отдельных деяний и обуздания революционных страстей в сфере уголовной политики государства. Это потребовало разработки и формального принятия правового акта, содержащего программные революционные идеи и исходные принципы (начала) уголовной политики в сфере борьбы с преступностью нового типа – буржуазной контрреволюцией свергнутого класса и их пособников. В итоге видными теоретиками в области уголовного права того периода (М. Ю. Козловским, П. И. Стучкой) был подготовлен,

¹ Всего за период с 1917 по 1919 гг. было принято более 200 различных правовых актов (декретов) советской власти, устанавливающих преступность и наказуемость отдельных преступных проявлений.

а затем принят исторический документ – Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 г.² (далее в тексте – Руководящие начала). В нем нашли отражение идейные установки революционного правосознания о задачах, понятии и системе уголовного права нового типа и его основных институтах – преступлении, наказании и критериях его назначения, стадиях совершения преступления, соучастии, видах и системе наказаний, условном осуждении, пространстве действия уголовного права.

По мнению ряда ученых, Руководящие начала создали теоретическую основу для «формирования исходных юридических норм общей части уголовного права»³. Историческая миссия Руководящих начал состояла в том, что они стали прототипом Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁴ В этой связи следует отметить, что по своей природе Руководящие начала не являлись нормативным правовым актом, однако при разрешении конкретных уголовных дел они часто использовались в качестве источника норм уголовного права.

Следуя современным представлениям об институте преступления, основанном на действующем уголовном законодательстве, можно выделить следующие его элементы (и сегменты составляющих его уголовно-правовых норм): 1) понятие преступления и виды преступлений (категории, множественность и система преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК); 2) институт лиц, подлежащих уголовной ответственности; 3) институт вины; 4) институт оконченного и неоконченного преступления; 5) институт со-

² Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. ст. 590.

³ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1948. С. 159-160.

⁴ О структурном обособлении Общей части российского уголовного законодательства и его значении см.: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Колякина и М. Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015. С. 20-21.

участия в преступлении; б) институт обстоятельств, исключаяющих преступность деяния.

Многие элементы института преступления, получив обстоятельную научную разработку и детальное технико-юридическое оформление в уголовном законодательстве середины XIX – начала XX вв. подверглись в Руководящих началах существенной идеологической и юридической трансформации. Не ставя задачи исследовать все аспекты изменения концептуальных основ института преступления в данном правовом источнике Советского государства, рассмотрим основные черты его трансформации в главном сегменте – понятии преступления (ст. 5 и 6 раздела III Руководящих начал «О преступлении и наказании»). Статья 5 Руководящих начал содержит следующее юридически абстрактное, но идеологически насыщенное определение преступления: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Данное положение корреспондирует со ст. 1 раздела I «Об уголовном праве», закрепляющей определение права как системы (порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной его силой. Таким образом, определение преступления изначально представляло собой юридическую фикцию, поскольку, нарушая охраняемый уголовным правом «порядок общественных отношений», оно тем самым посягало на указанную систему (порядок) общественных отношений, составляющих содержание права (налицо «преступление без объекта»). Подобный логический отрыв сущности преступления от охраняемых правом общественных отношений в определенной степени устраняло определение уголовного права как отрасли права, имеющей своим содержанием «правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)» (ст. 2 раздела I Руководящих начал). В данном определении уголовное право (как система правовых норм и других правовых мер) и преступление находятся в диалектическом равновесии, поскольку в нем более четко показана направленность преступления на нарушение «системы общественных отношений классового общества».

В ст. 6 Руководящих начал конкретизируется юридическая сущность преступления как действия или бездействия, опасного для данной системы общественных отношений, что вызывает ответную реакцию государства –

«необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)». Сопоставление указанных положений, содержащихся в ст. 5 и 6 Руководящих начал, позволяет сформулировать следующее доктринальное определение преступления – это действие или бездействие, нарушающее порядок общественных отношений, охраняемых уголовным правом или опасное для данной системы общественных отношений, которые определяют необходимость его охраны от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания).

Сравнительный анализ указанного определения преступления и соответствующей дефиниции института преступления в дореволюционном уголовном законодательстве Российской империи XIX-XX вв. позволяет выделить следующие черты трансформации данного института в указанном источнике советского уголовного права:

1) Отказ от формального подхода к определению преступления и включение в его дефиницию «материального элемента» – нарушения порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом. Однако данное определение нельзя назвать материальным в полном смысле слова, поскольку указанный порядок нарушался в результате совершения любых правонарушений (в том числе, гражданско-правовых деликтов).

2) Смещение центра тяжести в оценке общественной опасности преступления с объективных свойств деяния (действия или бездействия) – его опасности для данной системы общественных отношений – на опасность личности преступника. О необходимости борьбы с совершающими такие действия (бездействие) лицами (преступниками) прямо говорится в ст. 6 Руководящих начал. Это непосредственно влияло на определение меры репрессивного воздействия, налагаемой на лицо, совершившее преступление. Согласно ст. 11 Руководящих начал суд при назначении наказания оценивает степень и характер опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния. В силу этого суд, в частности, выясняет, каким образом личность преступника проявилась в учиненном им деянии и его мотивах, и насколько возможно уяснить ее на основании образа жизни и прошлого преступника. Соответственно, в числе критериев (обстоятельств), определяющих строгость меры наказания, из предусмотренных ст. 12 Руководящих начал указаны черты и особенности личности преступника, с учетом

которых в каждом отдельном случае следует различать, совершено ли преступление: 1) лицом, принадлежащим к имущему классу (с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности), или неимущим лицом, находящимся в состоянии голода или нужды (п. «а»); 2) профессиональным преступником (рецидивистом), или первичным преступником (п. «г»); 3) с заранее обдуманым намерением, жестокостью, злобой, коварством, хитростью, или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности (п. «з»).

3) Отсутствие указания в дефиниции преступления на формальную противоправность (запрещенность) деяния предполагало фактическое допущение аналогии в применении уголовного закона. При этом основным источником аналогии права как инструмента оценки противоправности деяния признавалось революционное правосознание. В дальнейшем аналогия как средство судебной криминализации деяний и орудие уголовной политики было закреплено в ст. 10 УК РСФСР 1922 г.

Таким образом, дефиниция преступления, содержащаяся в Руководящих началах, как продукт трансформации его юридической сущности и концептуальных основ, представляло собой: 1) материально-правовую конструкцию; 2) инструмент уголовной репрессии, отражающий классовые начала уголовного права; 3) идеологическую категорию революционного правосознания; 4) инструмент отрицания буржуазной теории уголовного права, основанного на формальном определении преступления.

Подводя итоги исследованию, необходимо отметить, что классовое определение преступления в Руководящих началах утратило многие прогрессивные черты института преступления, являвшегося продуктом длительной исторической эволюции и представляющего собой весьма совершенный концепт правопонимания в дореволюционной уголовно-правовой доктрине и образец технико-юридического оформления в исторически отвергнутом уголовном законодательстве Российской империи.

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1948.
2. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015.

The list of the quoted literature:

1. Gercenson A. A., Greengace S. S., Durmanov N. D., Isayev M. M., Utevsky B. S. History of Soviet criminal law. M, 1948.
2. Russian criminal law. Special part: textbook for universities/under ed. V. P. Konyakhina and M. L. Prokhorova. M.: "CONTRACT", 2015.